



АКТУАЛЬНОЕ МНЕНИЕ

CURRENT OPINION

УДК 81 272

DOI:10.37892/2713-2951-2-10-204-224

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ): ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА, АКТОРЫ И ДЕБАТЫ. ИНТЕРВЬЮ С ЭКСПЕРТАМИ Н.И. ИВАНОВОЙ, В.И. ШАДРИНЫМ

А.Н. Биткеева: Здравствуйте, уважаемые коллеги! Сегодня мы беседуем с экспертами по языковой политике, языковой ситуации в Республике Саха (Якутия) Вячеславом Ивановичем Шадриним, научным сотрудником отдела истории арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, председателем Совета старейшин юкагирского народа и вице-президентом ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). И беседуем с Ниной Иннокентьевной Ивановой, доктором филологических наук, старшим научным сотрудником Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Коллеги, мы хотели бы с вами сегодня обсудить языковые проблемы региона. Как бы вы охарактеризовали современную языковую ситуацию в Якутии? Можно ли говорить о многоязычии? И как, по вашему мнению, изменилась ситуация с использованием русского языка, языков коренных малочисленных народов в Якутии после 1991 г.?

В.И. Шадрин: Я бы охарактеризовал ситуацию в Якутии как двуязычную в том плане, что основными языками общения, распространенными в нашей республике, являются русский и якутский язык. Причем можно сказать, что русский язык характерен в основном для городского населения, некоторых районных центров, так называемых районов промышленного освоения, где большинство населения русское. Якутский язык в основном функционирует как язык повседневного общения в сельской местности в абсолютном большинстве районов Якутии, возможно кроме Алданского, Нерюнгринского и Мирнинского районов, хотя и там есть населенные пункты, где он так или иначе используется. То же самое мы видим и в статусности языков, потому что и русский, и якутский языки у нас признаны государственными языками республики, и если посмотреть на официальные мероприятия, которые проводятся, они, конечно, двуязычны, но не в такой степени двуязычны, как мне бы хотелось, как в 1990-е годы. В 80 % случаев мероприятий используется русский язык и где-то в



20 % – якутский, но тем не менее якутский язык используется. В СМИ так же в той или иной степени формальный паритет поддерживается. Но если посмотреть с точки зрения тиражей, информационных ресурсов, СМИ, то все-таки соотношение будет тем же самым: где-то 80 % русский язык и 20 % якутский язык. В этом есть определенная тенденция: это соотношение возрастает. Если оценивать те процессы, которые происходят с 1990-х годов, мы наблюдаем два определенных процесса. К концу 1980 – началу 1990-х годов сложилась достаточно серьезная языковая ситуация относительно якутского: он достаточно активно был вытеснен даже из городов, тогда очень резко сокращалось функционирование языка. Это были очень негативные тенденции, они очень серьезно проявлялись, и недаром в конце 1980-х годов было очень серьезное национальное движение, возрожденческое движение, которое вылилось в процессы 1990-х годов. Это было возрожденческое движение не только якутского, но и языков коренных малочисленных народов Севера, которые к тому моменту вообще практически отсутствовали в официальном пространстве республики. Где-то в 1991–1992 гг. была разработана концепция национальной школы, которая провозгласила внедрение национальных языков в образование. Тогда же началось очень мощное движение в сторону правового и нормативного закрепления прав языков. Были приняты законы о статусе языков. К середине 1990-х годов ситуация поменялась достаточно радикально, настолько, что уже к концу 1990-х годов якутский язык переломил ситуацию и вышел на конкурирующие с русским языком роли. В какой-то степени тогда сумели закрепить свои позиции и языки коренных малочисленных народов Севера. Они получили официальный статус в местах своего проживания. Тогда тоже началось серьезное движение в образовательной сфере. Об этом говорит тот факт, что, когда мы ведем беседы с людьми на местах, мы рассуждаем, кто или что должно играть важную роль в сохранении языка. Во многих местах семья даже отступает на вторую позицию, потому что в большинстве своем респонденты больше внимания уделяют преподаванию языков в школе, в образовательной сфере. Наверное, потому, что именно там у нас в свое время были достигнуты значительные успехи и где мы потом начали терять свои позиции. Где-то с середины 2000-х годов пошла регрессивная политика. Можно ли это называть политикой, я не скажу, но тем не менее началось отступление от достигнутого, что было связано, с одной стороны, с тенденциями на централизацию, унификацию федерального законодательства. Это серьезно начало сказываться на языковой ситуации. С каждым годом начали приниматься решения, например, как введение ФГОС. Я понимаю, что в образовании необходимо было применить какие-то стандарты, но они, я считаю, в первую очередь ударили именно по национальным школам. Потому что всему пакету требований, который выдвигался к языковому образованию, даже такой язык, как якутский, не мог к тому моменту соответствовать. К примеру, у нас к



2010 г. еще были школы, где сохранялись начальные классы с эвенским языком обучения, это единственный язык коренных малочисленных народов Севера, который еще в некоторых местах функционирует. Это я говорю о двух школах: в Берёзовке и Себян-Кюёле, где этот язык жив и функционирует. По требованиям ФГОС все предметы должны были вестись не только на этом языке, но и должны были быть обеспечены учебно-методическими комплексами на этом языке, например математика, природоведение, русский язык. Естественно, мы не могли обеспечить этого и уже в 2011 г. обучение на языках коренных малочисленных народов Севера было завершено, сохранилось преподавание языков коренных малочисленных народов Севера как предмета, но не как языка обучения. Требования ФГОС дальше ужесточались, одним из очень серьезных шагов стал 2014 г., когда были внесены изменения в закон об образовании, где был заложен принцип добровольности, который был усилен в 2018 г. И это также очень сильно ударило, несмотря на наши конституционные права изучать свой родной язык. Фактически принцип добровольности, который не был обеспечен финансово, привел к тому, что началось достаточно быстрое сворачивание преподавания языков как учебного предмета. Дело в том, что у нас, с одной стороны, ведется в полном объеме русский язык, так как везде требования ЕГЭ предписывают, чтобы он велся в полном объеме (и никто это не оспаривает); с другой стороны, у нас ведется преподавание якутского как государственного. И в то же время в наших населенных пунктах коренных малочисленных народов Севера должны вестись языки КМНС. Вот этот момент: как нам совместить в часовом плане учебных планов преподавание якутского языка и преподавание родного языка как официального – нигде финансово это не предусмотрено. Нам все всегда говорят, что это полномочия учебного заведения, что за это отвечает муниципальный бюджет, но финансово это ничем не подкреплено. В результате это приводит к тому, что во многих школах родные языки как предмет начали уходить. И хотя сегодня мы видим пока еще красивые цифры о том, что у нас еще около 50 школ, где ведутся языки КМНС, на самом деле абсолютное большинство этих школ – это школы, где языки ведутся как факультатив или как кружок, это всего по одному часу в неделю и то в некоторых даже в объединенных классах ведется, то есть не обеспечивается даже элементарный уровень преподавания этих языков. И второй момент, я вернусь все-таки к добровольности: мы столкнулись с таким явлением, что понятие добровольность для ребенка не всегда означает выбор осознанный, чаще всего ребенок делает выбор с точки зрения целесообразности или полезности того, что он видит. Языковая ситуация показывает, что языки КМНС практически везде потеряли свою функциональность, они не востребованы в повседневной жизни, они не выдерживают конкуренции ни с русским, ни с якутским языком, их нет в СМИ, я не говорю о редких исключениях, которые доступны малой части актива, а не широким слоям населения. Я



всегда говорю, что добровольность может быть только в том случае, когда мы создаем равные условия. Когда 99 % всей информации, 100 % твоей будущей работы, карьеры, 100 % будущего образования связаны с другим языком, то понятно, что выбор будет однозначно не в пользу миноритарных языков. А у нас, еще раз подчеркну, не предусмотрено, например, если в классе 5 детей и один из них отказывается от изучения языка, то весь класс... у нас нет финансовой возможности, чтобы создать две группы: например, 4 ребенка изучает юкагирский по полному курсу, а один ребенок изучал по полному курсу якутский язык, при том, что они все изучают еще плюс русский язык. И в этой ситуации администрация школы, если такое заявление поступает, а оно чаще всего поступает еще и через органы прокуратуры, она вынуждена переводить родной язык в разряд факультатива или кружка. Добровольность фактически становится очень серьезной проблемой. Иногда есть другая сторона добровольности: неосознание родителями важности языка. В этом плане я всегда привожу свой пример, когда в 1993 г. я был назначен директором школы в селе Нелемное с целью организации юкагирской национальной школы, тогда я, будучи молодым, передовым, решил, что школа выполняет социальный заказ и что школа должна выполнять его. Тем более что в 1992 г. мы провели первый съезд юкагирского народа именно в Нелемном, и был получен мощный заряд. Тогда я провел опрос среди родителей о необходимости изучения юкагирского языка и введения его в учебный план нашей школы и был уверен в позитивном результате. Результаты были просто шокирующие: только один родитель, русская, она работала в системе торговли, сказала, что юкагирский язык надо изучать и вводить в учебный план. Из 26 родителей одна русская. Из 25 родителей, которые сказали, что не нужно, 23 были юкагирами. То есть тут опять к тому, что национальный подтекст не надо подводить, это сами 23 родителя юкагира все в один голос сказали, что не нужно. Однако мы все равно начали учебный год с новым учебным планом, но тогда я попытался потом в разговорах с родителями выяснить, почему же они были против. И тогда они назвали три основных фактора, что, во-первых, у нас тогда очень мало детей поступали в вузы, ссузы, они сказали, что «наши дети не могут элементарно сдать экзамен по русскому языку и по математике, чтобы куда-то поступать, а вы тут пытаетесь еще что-то сделать. Вначале организуйте нормально учебный процесс, чтобы можно было сдавать». Второй аргумент был тоже достаточно понятный, что «это уже бесполезно, язык нигде не применяется», и это в 1993 г., когда были живы бабушки и дедушки, носители языка. Но среднее поколение уже было невладельцами. И они тогда сразу сказали, что язык не нужен, что детям он нигде не поможет, зачем его изучать. Третий аргумент был достаточно понятный: «Если вы будете вводить юкагирский язык, культуру, историю, то пострадают основные предметы: русский, история, математика, физика. Если не пострадают они, то пострадают дети



из-за того, что вы добавите эти часы к учебному плану и тогда у детей будет большая перегрузка». В какой-то степени они были правы в том плане, что до введения этих стандартов мы просто раздували наш учебный план, то есть в среднем у нас было 7–8 уроков в неделю в каждом классе именно за счет этого компонента. Уже с 2000–2001 г. начали приводить в соответствие учебные планы на предмет часовой нагрузки. Потом постепенно Роспотребнадзор подключился, чтобы основная нагрузка не превышала 35 часов и уже во внеурочное время были основные часы. В 1993 г. абсолютное большинство родителей было категорически против по разным причинам, но когда наша школа вошла в число экспериментальных как базовая школа по изучению юкагирского языка, нам удалось переломить всю эту ситуацию. Действительно, буквально через 2–3 года практически все наши дети поступали по любой специальности, которую они выбирали. Нам удалось добиться изменения всей психологии, очень была негативная ситуация в конце 1980-х, когда большинство наших детей стеснялись признавать себя юкагирами, было очень много негативных стереотипов. Для детей это был очень серьезный фактор. Через определенный период нам удалось это сломать. Я не говорю, что это только наши усилия, здесь сыграло очень много факторов, наверное, с одной стороны, определенный этнический научный туризм, в конце 1980 – начале 1990-х границы открылись, очень много иностранных исследователей приезжали, буквально ежегодно по 2–4 экспедиции, был год, когда у нас за одно лето были французы, датчане, немцы, японцы, корейцы. То есть пять экспедиций приезжало именно изучать юкагиров, их язык, культуру, историю и так далее. Это понимание поднимало престиж, меняло ситуацию. Недаром уже в конце 1990-х годов сложилась такая психология в районном центре, в Зырянке, что, если кто-либо едет в район, они знали, что это в Нелемное приехали к юкагирам. И постепенно эта ситуация меняла отношение в районном центре: на юкагиров стали смотреть уже как на уникальное явление. Тогда возродился национальный праздник Шахадьибэ, активно развивался ансамбль «Ярхадан». Фактически резко изменилась ситуация: негативные стереотипы стали меняться на более позитивные. С другой стороны, присутствовал момент: наши дети к тому времени в основном все были русскоязычные и когда они приезжали в Якутск, то проживали в общежитиях. Антропологически они были азиатами, как якуты, саха, а по-якутски не говорили. В общежитиях была достаточно жесткая негативная ситуация, там в основном была сахаязычная молодежь, и когда саха не говорит по-якутски, это воспринималось очень негативно, был определенный пресс моральный и физический. И наши дети на рубеже 1980–1990-х этого не выдерживали, даже те, кто сумел туда поступить, бросали. А с середины 1990-х годов ситуация стала меняться, потому что есть такое очень интересное понятие толерантности: когда к нашим детям подходили и пытались вынудить, чтобы кто-то из них



говорил по-якутски, он говорил «я не якут, я юкагир», и когда ему говорили скажи что-нибудь по-своему, он начинал отвечать по-юкагирски, тогда от него сразу отставали, они уважали его право говорить на своем родном языке и не требовали от него якутского языка, то есть сразу менялось отношение. И вдруг юкагирский язык, не востребованный даже в самом поселке, вдруг стал фактором определенной адаптации и самоутверждения для наших молодых ребят, которые стали учиться в Якутске. Здесь, наверное, играли тоже позитивные стереотипы от преподавательского состава «раз юкагиры – вы редкий народ», а ребята, благо они в нашей школе проходили национальную культуру, если их о чем-то спрашивали, могли что-то рассказать о своем народе, о традициях, и это сразу выделяло их из общей массы студентов. Это тоже стало определенным ресурсом в их адаптации. Помню, когда я был классным руководителем 6-го класса и вдруг приезжали ребята, которые в это время учатись в университете, они говорили: «Учите юкагирский язык, учите культуру, вас там будут спрашивать, и чем больше вы будете знать и рассказывать, тем для вас будет лучше». Это стало серьезным фактором. В то время были поставлены цели внедрить юкагирский язык, и весь коллектив работал над тем, как сделать язык более живучим, более активным, может быть, создать искусственную языковую среду в школе и т.д. Вот эта нацеленность педагогического коллектива стимулировала развитие и рост педагогического уровня всего коллектива. Уровень повысился по всем предметам: и по русскому, и по математике, и по физике, то есть наша школа достаточно быстро вырвалась в лидеры района. Когда внедрялась система ЕГЭ, вначале говорили: «Ваши дети хорошо сдают из-за того, что в школе помощь оказывается», – но когда в школе был ликвидирован пункт сдачи ЕГЭ, и последние шесть лет наши дети выезжают в район и там сдают ЕГЭ, и когда и там они показывают лучшие результаты по ЕГЭ, то это как раз закрепило статус нашей школы как передовой школы района, то есть, наверное, статус и преподавание всех этих предметов тоже сыграли интересную роль, что у школы есть свое лицо, свой уровень, который сохраняется.

А.Н. Биткеева: Поговорим о поддержке языков в рамках федеральной и региональной языковой политики. Эффективны ли меры языковой политики в регионах?

В.И. Шадрин: Скажем так, наверное, осознанная позитивная языковая политика у нас была в начале 1990 годов, когда именно принимались и разрабатывались законопроекты по языку, которые касались системы образования, статуса языка, в том числе и его функционирования в официальной сфере. В это время разрабатывались законопроекты, касающиеся языка в сфере культуры, СМИ. Тогда это была осознанная целенаправленная языковая политика, которая изменила всю ситуацию, переломила и помогла становлению и формированию якутского языка как государственного и фактически спасла языки коренных



малочисленных народов Севера от забвения. Начиная с 2000-х как таковой языковой политики я не наблюдаю, просто есть какие-то корректировки законов, чаще всего все они носят регрессивный характер, осознанной государственной политики в части языка как раз нет.

А.Н. Биткеева: Некоторые эксперты считают, что языковые законодательные рычаги имеются, но, сами регионы ими не пользуются. Вы согласны с этим мнением?

В.И. Шадрин: В 1990-е годы была создана первоклассная нормативно-правовая база, фактически защита языковых прав населения. Я не юрист, не скажу, что она была блестящая, но, с точки зрения языков КМНС, она достаточная. Другое дело, что под нее нет нормативного обеспечения. Если в начале все это было сделано, то потом какой-то регресс начался, очень много актов было ликвидировано. К примеру, ранее пошли навстречу поддержке преподавателей языков, для учителей родных языков ввели норму ставки 15 часов, не 18 часов, как для всех остальных, а именно 15 часов, с учетом того, что количество часов не соответствовало. В школе было только два учителя родного языка и, чтобы обеспечить им часовую нагрузку (тогда было всего 2–3 часа языка по учебному плану), это было сделано и с точки зрения финансовой поддержки учителей. 15 часов нагрузки плюс они получали до 15 % стимулирующих, премиальных доплат именно за ведение своего национально-регионального компонента. Постепенно уже в 2000-х это все ушло, на сегодня у нас нет инструментов поддержки родных языков. Следующий момент: ранее у нас было нормативное обеспечение с точки зрения функционирования языка в СМИ. Когда создавалась телерадиостудия «Геван», мы исходили из того, что языки КМНС составляли всего 2 % от населения республики, и говорили о том, что в телерадиоэфирах нашей республики языки КМНС должны составлять 5 %. Исходя из этих 5 %, мы высчитали, что объем вещания на языках КМНС должен быть примерно 1 час телеэфира в неделю и около 1,5 часов радиоэфира на языках КМНС в неделю. И тогда опять-таки пошли навстречу, и было принято решение, что будет 3 редактора эвенского, эвенкийского, юкагирского языков по целой ставке, что если потом появится у нас чукотский и долганский язык, то появится по 0,5 ставки на каждого. То есть это все было закреплено в 1998 г. в определенном приказе Национальной вещательной компании «Саха». Прошло 25 лет, за это время у нас стало 2 республиканских канала, стало гораздо больше эфирного времени, но на данный момент мы имеем 1 час в неделю для «Гевана», и те же самые 1,5 часа эфирного времени на радио. Когда мне аргументируют социальным заказом, я всегда говорю: на сегодняшний момент мы составляем 4% от населения республики, вы дайте хотя бы эти 4% эфирного времени. Сейчас, к сожалению, везде все стало определяться с точки зрения целесообразности, в том числе коммерческой и т.д. Естественно, у нас фактически осталась одна ставка редактора языка на телевидении, полставки на радио. Фактически все прежние



позиции потеряли, хотя у нас отдельный закон о поддержке СМИ на языках КМНС, но финансово это никак не обеспечено. Мы не говорим о районах, когда даже на уровне республики не можем защитить нашу единственную студию «Геван». И, вроде бы, есть закон об официальном статусе языков КМНС, но никто не знает, что такое официальный статус, нигде он не определен, хотя мы понимаем из определенных отрывков того же самого закона об этом статусе, что он должен применяться в делопроизводстве, в официально-деловой сфере. Следовательно, нужны штатные единицы переводчиков или какие-то языковые требования должны быть к тем же самым госслужащим. Я изучаю опыт возрождения саамского языка. У них есть требование к муниципальным служащим, что любой служащий, который хочет работать в муниципальной службе, должен сдать экзамен на знание саамского языка. То есть человек, который проживает в саамском регионе, может прийти в учреждение образования, культуры и говорить на саамском языке, и ему должны ответить на этом же языке. А у нас законодательно закрепленный официальный статус нигде об этом не говорит. Мы в своем законе о Суктуле (самоуправлении) юкагирского народа, когда его принимали еще в первом варианте в 1998 г., прописали положение о том, что аниджа (вождь) должен знать юкагирский язык, но в 2001 г. по протесту прокуратуры этот пункт был изъят из данного закона, и потом позднее оттуда были убраны и многие другие позиции.

А.Н. Биткеева: Языковая политика, языковое законодательство – это объективные факторы, но, есть ряд субъективных параметров, которые влияют или усугубляют отрицательную динамику в развитии языков. По вашему мнению, какие основные факторы повлияли на языковую биографию якутов и других КМНС республики?

Н.И. Иванова: Именно с внедрением информационно-коммуникационных технологий совершенно поменялась наша жизнь и мы начали ориентироваться на русский язык. Допустим, я 20 лет уже изучаю языковую ситуацию, и материалы показывают, что это началось с детей, которые родились в конце 1980 – начале 1990-х годов. Именно на их детство, отрочество пришлось первые игрушки, первые гаджеты даже в самой глухой деревне. И мы теперь бьем тревогу, что дети, особенно до 12 лет, совершенно легко поддаются влиянию русского языка именно из-за этих гаджетов и все учителя тоже подчеркивают это. Снижение читательского спроса, снижение объема чтения – это все сказывается потихоньку. На их родителях это сказалось таким образом, что снизилось владение языком. Допустим, очень большая разница между опросами 2007 и 2014 г. – свободное владение якутским языком снизилось на 10%. А недавно наши коллеги по лаборатории съездили в Вилюйский улус. И в Вилюйском улусе есть село, которое по недоразумению осталось без ВОЛС (высоковольтных оптоволоконных линий связи). Исследователь отмечает, что там совершенно иная речевая среда: дети живые,



общительные, так как они не сидят за телефонами, компьютерами, потому что доступ к интернету очень дорогой. Она рассказывает, как живо с ней дети общались, на вопрос, чем будете заниматься после школы, говорят: я навещу бабушку, мне надо ей льда наколоть, занести еще что-то, – и поражалась их открытости, доброжелательности. А я летом наблюдала за одним мальчиком в маленькой якутской деревне. В деревне проживает примерно 350 человек, в школе обучается около 65 детей, и из них двое полностью русскоязычные. Мой герой был дошкольного возраста, и с ним в этой деревне трое русскоязычных детей. Если разобраться, факторы языкового сдвига совершенно разные: и социальные, и отдельно – внедрение русскоязычных информационно-коммуникационных технологий. Мальчику 6 лет, совершенно не говорит на якутском, за 1,5 часа общения произнес всего 3–4 якутских глагола. Интонация совершенно русская. Он второй ребенок в семье, и когда наступила пандемия, старшему ребенку надо было помогать с дистанционным обучением, родители все внимание переключили на него, а также их мама, беременная третьим ребенком, 1,5 месяца пролежала в больнице на сохранении. В итоге мальчику вручили телефон, чтобы он сидел и чем-то занимался. И все – ребенок «ушел» в телефон. Он маленький и, естественно, не разделяет языки на якутский и русский. Тот язык, на котором он говорит, т.е. русский язык, он признает как «мой», а язык всех других взрослых, т.е. якутский, для него «ваш язык». В голове у него, наверное, такая мысль: мой – это тот язык, который я взял из телефона, это наш с ним язык.

В.И. Шадрин: не только ВОЛС, это вообще новые технологии. Действительно, здесь мы все оказались в какой-то степени неготовности. Вообще надо было очень четко просчитать, какой объем общения у среднестатистического ребенка получается перед школой, потом в начальной, средней, старшей школе, у студентов и взрослых людей. Просто взять и как-то посчитать, сколько он слов скажет за день и т. д., чтобы просто понимать, какой процент среди них составляет семейное общение. Ведь мы все время говорим о семейном общении; какой процент занимает общение в школе, школу тоже можно разделить на официальную коммуникацию с учителями, и коммуникацию между учениками. Потом посчитать объем коммуникации, и я думаю, что особенно с развитием новых технологий семейная коммуникация у нас постепенно уходит на второе и, возможно, на третье место. Ребенок так много сейчас не общается с родителями и с детьми, как с учителями и тем более с друзьями. Мы все до сих пор стереотипно говорим о том, что основное – это семейное. Конечно, когда он только начинает разговаривать – да, это самое важное. Но потом появляется конкуренция в других сферах функционирования, мы должны думать, что происходит после того, как он пошел в детский сад. Вся сфера литературы, вся сфера видеоконтента, сфера игр – с позиции якутского языка проигрывает. Я даже не говорю о языках КМНС. В свое время в Якутии был



такой проект «100 книг мировой литературы», которые должны были быть переведены на якутский язык. И я даже ждал, что затем последует проект с переводом с якутского языка, например, на языки КМНС. Потом возникала идея 100 фильмов, правда, это на уровне России – фильмы, которые школьники обязательно должны были посмотреть. Я думал, а почему бы не сделать их сразу с переводом на якутский язык, опять-таки, чтобы следующим шагом был перевод на языки КМНС. Сейчас растет количество детей, которые самоизолировались в интернет-пространстве, которым можно было бы предложить этот контент, но у нас нет никакого контента на языках. Я говорю даже о таком крепком языке, как якутский. Нет совершенно, это пространство полностью потеряно. Есть отдельные сайты, есть отдельные социальные сети, саха-википедия, но это не для молодежи, это больше для нас, языковых активистов, но не для детей. И вот нам надо смотреть, что еще можно сделать, может, пока еще открыта сфера комиксов, может, есть еще другая ниша, где можно было бы составить определенную конкуренцию. Комиксы чем хороши в отличие от фильмов: там минимум слов, можно было бы попытаться те же самые японские аниме, манги перевести и шире внедрять, потому что их дети хорошо воспримут. Тот же самый контент эстрады: если в 1990-е годы она выиграла конкуренцию на местном уровне, помните, когда манифест «мин сахабын» взорвал все и вся и подействовал на психологию тогдашней молодежи, на сегодняшний момент ничего подобного близко нет. Весь контент якутской эстрады ориентирован на среднее поколение, а не на молодежь и детей. Ничего пока не создано, что можно было бы применить. Дело в том, что дети в своих языковых предпочтениях ориентируются на звезд, кумиров. Но когда кумиры их говорят на другом языке, то, к сожалению, мы эту сферу теряем.

А.Н. Биткеева: Все же языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) оценивается как перспективная по сравнению с другими регионами.

В.И. Шадрин: Внешне да, очень много позитивного по сравнению с другими регионами, но очень много есть «мин замедленного действия», которые скажутся не сейчас, а через 10–20 лет. Даже если взять ситуацию с национальными школами: какая была ситуация в Якутии 20 лет назад, и какая ситуация сейчас. У нас языковая ситуация благополучной может считаться за счет того, что даже в городах идет огромная миграционная волна, которая поступает из районов, она пока сахаязычная. Но нынешнее поколение, которое, как сказала Нина Иннокентьевна, придет, они будут уже русскоязычными. И эта ситуация уже на пороге, уже через 5 лет возможно волна придет. И тогда через 10 лет мы с вами окажемся в ситуации, когда доминирующим языком повсеместно станет русский язык.



А.Н. Биткеева: В последние годы ученые дискутируют по поводу методов ревитализации языков России, среди наиболее эффективных – метод языкового гнезда, метод «мастер-ученик» и др. Относительно языков Якутии какой метод можно рассматривать как наиболее эффективный, а может быть несколько. Как вы думаете?

В.И. Шадрин: Одного метода, я уверен, нет, их должно быть много, «не важно какого цвета кошка», как говорил Дэн Сяопин, главное, чтобы она ловила мышей. Я думаю, тут нужно сочетание. Во-первых, со стороны властей должна быть определенная государственная воля: не бояться отстаивать свои права и занимать серьезную позицию в отношении государственного якутского языка и языков КМНС, в том числе и в СМИ. Официальная сфера сохраняется, и она должна создавать возможности, пусть даже искусственные, для сохранения языка. Приведу пример: когда в 1992 г. создавалась современная политико-правовая лексика, и в наш оборот вдруг были включены такие слова, как улус, баһылык, Ил Тумэн, Ил Дархан, тогда у меня было достаточно скептическое отношение, потому что это было достаточно искусственно созданная терминология, внедряемая «сверху», и было мнение, что она не приживется. Прошло 10 лет, и эта терминология прижилась, она используется повсеместно. И как раз, когда мы в 1995–1996 гг. разрабатывали закон о Суктуле юкагирского народа, над нами ведь тоже смеялись: «Зачем вы придумываете термины на юкагирском языке?». У нас ведь не было терминов, и мы, действительно, придумывали, честно говоря. Причем какой-то термин был взят из тундренного юкагирского, какой-то из лесного юкагирского языка. Над нами смеялись: «А зачем это? Кому этот термин нужен?» Я говорил: давайте пойдем по тому пути, по которому пошли якуты, по крайней мере в законе это все пропишем. Сегодня это уже ни у кого не вызывает улыбки, все согласны. Я понимаю, что у властей есть возможность влиять, власти могут пойти на некоторые шаги, которые я называю позитивной дискриминацией, то есть с учетом очень тяжелой ситуации языков коренных малочисленных народов Севера в местах их проживания должны пойти навстречу и поставить, например, какие-то языковые требования. Я всегда вспоминаю, в 2000 г. действовал принцип обязательного принесения присяги на двух государственных языках: на русском и на якутском. И тогда в 2000 г. Вячеслав Анатольевич Штыров, русский по национальности, приносил клятву на конституции в том числе и на якутском языке, это было невероятно! Потом, конечно, эти требования постепенно были убраны из нашего законодательства. Если человек баллотируется на главу национального наслега, он должен какие-то минимальные требования, связанные с языком, выполнять. Иногда же мы ставим вопрос, что нам необходимы словари общественно-политической лексики на всех официальных языках: на юкагирском, эвенкийском, эвенском, – чтобы были однотипные требования, потому что у нас разные диалекты, чтобы была однотипная лексикология и она



езде применялась, например в написании вывесок. И чтобы эти тексты, словари были разработаны в нашем институте. Это меры языкового строительства, которые должны предпринимать власти, делать заказ на них. Также нужно, чтобы и общественность это воспринимала, например, сфера культуры очень важна. В сфере культуры – театрах, музеях – тоже должна вестись языковая политика. К сожалению, Национальный художественный музей у нас полностью обрусел, все мероприятия, которые проводятся – только на русском языке. К сожалению, в музее имени Ярославского тоже так же. А ведь все, что связано с культурой, должно подаваться аудитории на двух, по крайней мере, государственных языках в равной степени, и все мероприятия, которые проводятся, тоже должны происходить на двух языках. Этот закон должен быть очень жесткий. С одной стороны, в части исполнения законов о языках должна проявляться официальная позиция, требования, с другой стороны, в этом должна быть заинтересована сама творческая интеллигенция. И это должно быть буквально во всех сферах, и главное в сфере образования.

Я уже говорил, что семья слабеет, на сегодняшний момент я всегда обращаю внимание, что необходимо повышать в том числе и ответственность родителей. Ведь ни один депутат при всей любви к юкагирскому народу не будет разговаривать с вашим внуком на юкагирском языке. Это зависит от вас лично, не бойтесь с ним говорить, никто, кроме вас и учителя, не будет с ним говорить.

А.Н. Биткеева: Последние 10 лет ученые и общественность дискутируют о том, что такое родной язык. Что для вас родной язык? Может ли у человека быть несколько родных языков?

В.И. Шадрин: Я скажу так: вопрос о родном языке до 1998 г. и меня ставил в тупик, потому что всегда родным языком называли тот, который ты должен знать, на котором ты говоришь и думаешь. И, например, в переписи 1989 г. я указывал, что родной язык русский. Точно так же не только русский язык: у нас очень много представителей КМНС, которые указывали родным якутский язык. Кстати, это один из тех аргументов, почему празднование дня родного языка 13 февраля мы всегда проводили совместно, потому что говорили, что якутский язык является родным для многих народов Севера. И даже по данным 1989 и 2002 года большинство представителей КМНС, более 50 %, признавало родным языком якутский. У эвенов это доходило до 63–64 %, у эвенков доходило почти до такого же уровня, у долган почти 90%, а потом у долган произошла полная инверсия: они стали считать родным языком долганский, потому что они близки и разницы не чувствуют, и сейчас 90%, которые называют долганский язык родным, на самом деле говорят на якутском языке, а не на том настоящем долганском. Это к той ситуации, которая у нас есть: может ли быть родным не свой



язык. А где-то с конца 1990-х годов я для себя решил, что есть вопрос идентичности, самоотнесения, самосознания, и что основным здесь должно быть именно самоотнесение себя по своему духу, крови, самосознанию, оно должно играть соответствующую роль и по отношению к языку. И с тех пор я всегда занимаю такую позицию: даже если ты в недостаточной степени владеешь или вообще не владеешь языком, ты должен называть родным языком язык своего этнического самоотнесения. Если ты признаешь себя юкагиром, значит, родным языком должен быть юкагирский, если называешь себя эвенком, то родным должен быть эвенкийский. Другой вопрос, знаешь ли ты его или не знаешь, вот там другое совсем. А родным языком должен быть язык самоотнесения.

Н.И. Иванова: Я слушаю Вячеслава Ивановича, очень многие позиции у нас схожи. По родному языку я остаюсь на классических позициях, можно сказать советских: родной язык для якутского этноса, якутской общности на данный момент остается этническим языком. Показатель признания родным этнического языка у саха по итогам опроса 2021 г. остается стабильным, в городе Якутске – 84,3 %. Снизилось признание родным русского языка с 3,7 до 2,9 %. Признание родным и якутского и русского языков одновременно также стабильно, но у молодых выше – 17 %. Проводила ассоциативные эксперименты, выявляющие отношение к языкам в 2007 и 2014 годах, сейчас повторила и заметила, что по отношению к русскому языку у саха устанавливается инструментальный подход, на что указывают реакции «доступный», «простой». По отношению к якутскому языку это реакции «родной», «этнический», но в последнее время все больше встречаются реакции «сложный», а уже потом «родной». А по отношению к английскому языку совершенно меняется отношение в последние 5–7 лет, буквально его превозносят, понятное дело. Дети любят английский язык: он такой «хороший», «красивый» и даже «легче, проще», чем якутский язык, говорят городские дети. Тут, как я вижу, есть опасность перескочить через российскую идентичность к «заморской». Нет? Но интерес очень выражен, и в наш цифровой век, при массовом потоке английских слов в русский, якутский лексикон, есть опасность размывания этнической и даже российской идентичности. И есть такой вопрос: знание каких языков дает человеку конкурентноспособные преимущества? Если 7–10 лет назад говорили, что обязательно знание якутского и русского, то сейчас и сельские саха, и городские саха отвечают – это знание трех языков: русского, якутского и английского. Тревожность за будущее родного языка, по данным последнего опроса, повысилась: среди взрослого населения 56%, среди молодежи 51%. Так что в обществе растет напряженность. На днях было обращение Ил Дархана к народу, где он говорил о планах провозгласить 2022 г. Годом матери, в чем я усматриваю и связь с «языковой» темой. Можно сразу общую линию найти, материнский язык – родной язык, возможно, как-то нам можно



будет активно поработать. И еще он поручил провести социологическое исследование среди детей. Все-таки они слышали, что мы можем потерять несколько поколений, если не задумаемся.

А.Н. Биткеева: А вот как вы, Нина Иннокентьевна, считаете: многоязычие – это благо?

Н.И. Иванова: Конечно же это благо! Если даже взять классиков: «сколько языков ты знаешь, настолько ты и человек». Допустим, есть в якутском языке такое выражение, если его перевести дословно: «жирный снег». Ну кто еще так скажет, как не якут? У Вячеслава Ивановича тоже есть такие, наверное, своеобразные определения в юкагирском языке. Даже на этом примере видно, что можно раскрыть целую палитру культур, миров. Сейчас же цифровизация позволяет очень много языков изучать – было бы желание. Молодежь изучает с удовольствием через интернет английский язык, испанский язык. У меня дочь, она билингв, активно и достаточно успешно изучает английский язык, недавно спрашивала: «А куда исчезли передачи по обучению эвенскому, эвенкийскому языку. Почему их нет?» Она с удовольствием эти передачи смотрела, слушала, много слов выучила. Ей это было интересно 2–3 года назад, а сейчас этих передач нет, хотя были очень хорошие и, безусловно, мотивировали детей эвенов, эвенков изучать родной язык.

В.И. Шадрин: По многоязычию скажу, что оно всегда было характерно для народов Севера и, возможно, в первую очередь для юкагиров. Недаром именно юкагиров всегда называли полиглотами Севера. Здесь были разные факторы: с одной стороны, живучесть и функционирование разных языков на Севере и, наверное, социальный статус. Был язык превосходства, у нас русский царь переводится как «солнечный царь». И его язык, русский, надо было знать. Якутский язык был как язык межнационального общения, на нем все говорили. В то же время, например, чукотский, из-за того что чукотские богачи-оленоводы имели самые крупные стада и больше всех торговали на ярмарках, с ними часто приходилось общаться, поэтому чукотский язык тоже знали. А, например, эвенский знали потому, что как собратья и рядом проживали, поэтому знали. До сих пор можно найти стариков, в том же самом Нижнеколымском районе, которые спокойно могут говорить на пяти языках: к одному обратиться по-русски, к другому по-якутски, с чукчами по-чукотски, со своим по-юкагирски и тут же эвену ответить по-эвенски. Это многоязычие было характерно для Севера, это во многом показывало всю палитру, и в то же время есть такое слово «толерантность», а это как раз языковая толерантность, когда полностью воспринимается право другого человека говорить на своем языке, и поэтому говорили на этих языках. Ситуация же потом стала меняться. Я по юкагирскому языку пытаюсь изучить, когда же из официальной сферы наш язык ушел. Последний протокол собрания в колхозе 1958 г., где в протоколе отмечено, что



старик что-то сказал по-юкагирски. Все. После этого уже нигде упоминания о том, что на юкагирском кто-то где-то что-то говорил нет. То же самое примерно представляю себе относительно своего деда. Мои тётушка и младший дядя, например, родились в 1958 и в 1960 годах, они уже по-юкагирски ничего не знали. Старшие дяди и тети знали, а с конца 1950–1960 годов был четко прочерчен рубеж, когда дед просто-напросто сказал: «Хочешь быть человеком – говори на русском», просто запретил в семье говорить на юкагирском языке. Как раз на этом рубеже произошел перелом. Где-то на каком-то уровне появилось неприятие, не стало языковой толерантности, и этот сдвиг повсеместно начал сказываться везде. Старики еще той эпохи, которым сейчас по 70–80 лет, они еще это многоязычие сохранили, а вот людей среднего возраста уже нет с этим многоязычием. Те, кто родились в 1950-е годы, уже практически не говорят на этих языках. Совершенно однозначно отношение к многоязычию в обществе изменилось.

А.Н. Биткеева: Нина Иннокентьевна ключевую фразу сказала: повысилась тревожность в связи с языковой темой. Как вы думаете, присутствует ли конфликтогенный потенциал в языковой теме?

Н.И. Иванова: Конфликтогенный потенциал присутствует и насаждается он регулярным сокращением региональных языков в сфере образования. Язык с высокой витальностью и имеющий ресурсы для своего дальнейшего функционирования не может бесконфликтно поддаваться всем новшествам, искусственно сокращающим пространство родного языка. Поэтому в нашем опросе на вопрос, в каком режиме должен изучаться якутский язык в школах в городе Якутске и улусах, преобладает мнение, что невзирая на национальную принадлежность, «все дети должны изучать якутский язык, только так мы спасем якутский язык». При этом 44 % респондентов считают, что они недостаточно удовлетворены обеспечением конституционного права на обучение на родном языке.

В.И. Шадрин: Я хотел бы обратить внимание на такой момент: в последние десятилетия чаще и чаще слышу такой аргумент, он стал почему-то популярным именно среди якутского населения: «Зачем такие предметы, как математика, физика, биология, география учить на якутском языке? Разве можно эти предметы вести на якутском языке?» – и так далее. Я очень часто тогда им задавал такой вопрос: те же самые прибалтийские языки, там же тоже в основном на русском языке разговаривали – когда отделились, они же в вузах ввели свои языки, от этого уровень их не пострадал. То есть живучесть и используемость языка зависит от воли власти и населения. И второй аргумент, который я всегда приводил: смотрите, пожалуйста, два наиболее значимых с точки зрения, две выдающиеся школы у нас в республике – это Верхневилуйская физматшкола и Республиканская физматшкола. Школы,



где основным языком всегда был якутский язык. И он не помешал: смотрите, большинство победителей олимпиад по физике, математике, химии, биологии – это в основном учащиеся этих школ. Якутский язык им не мешает отлично и на высоком уровне осваивать эти предметы. Почему вы считаете, что родной язык вдруг может быть «недостаточно хорош» для получения фундаментальных знаний? На это они мне ничего не могут сказать, но постоянно звучит утверждение, что на родном языке нельзя дать знания. Меня именно беспокоит, что это так распространено. Ладно, если бы это было распространено только среди народов Севера, это распространяется именно среди многих моих знакомых из якутской интеллигенции. Я вспоминаю, что что-то подобное было в 1980-е годы, но потом это все преобразовалось в позитивное русло, а сейчас эти стереотипы опять возвращаются.

Н.И. Иванова: Языковая компетенция снижается и язык учебников становится сложным не только для детей, которых пытаются обучать на якутском языке, но и для их родителей, которые помогают им делать домашние задания. Года 2–3 назад в ватсапе шел активный обмен мнениями о сложности языка учебников. Это как раз те родители, в конце 1990-х взявшие в руки первые электронные гаджеты, электронные игрушки и выросшие с ними, их дети пришли в школу, и начались проблемы. С другой стороны, со стороны авторов учебников нет полного понимания ситуации с новым поколением родителей и их детей. Адаптировать уже сложившийся текст под современных родителей и под их детей непросто, видимо, поэтому тут тоже такая дилемма получается. Но ради воспроизводства языка необходимо адаптировать, чтобы не потерять целое поколение носителей языка.

В.И. Шадрин: Еще один пример приведу тревожной тенденции. С нового года с этого вопроса мы начнем наше заседание совета старейшин юкагирского народа совместно с ассоциацией юкагиров, у нас очень тревожная ситуация сложилась в Андрюшкино, это один из центров проживания юкагиров. Там функционирует группа в детсаде, где ведутся занятия по юкагирскому языку. Так вот, на сегодняшний момент мы столкнулись с явлением, что в этой группе остался один ребенок, хотя в садике этого же возраста трое детей, а так как это разновозрастная группа, 7 детей юкагиров могли бы посещать группу, где ведется юкагирский язык. Не так уж много – там всего 1 час в день проводится. Родители осознанно трех детей перевели в группу с якутским языком. Никто не заставлял этих родителей переводить детей, это осознанный выбор молодых людей. Мы на протяжении 50–40 лет ведем широкое общественное движение, много мероприятий проводим, но вдруг на каком-то этапе потеряли вчерашних школьников, молодежь. Это поколение соцсетей стало молодыми родителями, их дети сейчас в садик ходят, и их дети завтра придут в школу. Они начинают воспринимать все, что к родному языку относится, уже как-то более равнодушно.



А.Н. Биткеева: Несколько слов о важности национальных, традиционных ценностей. Как вы думаете, что такое быть юкагиром? Какими добродетелями обладает настоящий юкагир?

В.И. Шадрин: Я понимаю, что здесь должны быть какие-то другие подходы. Те подходы, которые мы использовали, они в основном ориентированы на среднее и старшее поколение, но это мы уже бьем по уходящему поезду. Как раз то поколение, которое мы пробуждаем, оно само по себе пробуждается, то есть в 40 лет, когда уже чего-то достигли в жизни, более или менее начинают задумываться о своих корнях и так далее. Мы их вроде бы успешно перетягиваем к себе. А вот сражение на уровне детей, школьников, мы фактически не начинали даже. Все те методы, которые мы применяем, в том числе общественные инициативы, они все ориентированы больше не на них. Нам надо думать, что сегодня делать. Ваш вопрос очень интересный, в этом плане мы много всегда спорили между собой, внутри юкагирской интеллигенции. Улуру Адо поставил в свое время мне задачу, это лет семь назад было. Он сказал: мы проиграем битву, детям нужно подготовить популярный учебник по истории юкагиrow, чтобы они чем-то гордились. Потому что нет сегодня какой-то популярной истории юкагиrow. Я говорю, как мы можем написать историю юкагиrow, если у нас ни одного достоверного исторического факта до XVIII века или до XVII века нет? А то, что там с XVII века? Там единично, отрывочно, большая часть фактов – это по легендам и т. д. Он говорит: то, чем можно гордиться – оно в большинстве своем легендарно, ну и создавайте легендарные. Я в свое время как историк всегда к этому относился немного скептически, но вот года четыре как поменял свое отношение. Можно же создавать, пусть будут легенды. То же самое о 26 панфиловцах: можно спорить, был ли это исторический факт или это исторический миф, но он играет свою роль, например в формировании чувства гордости. А мы сейчас действительно должны дать детям какую-то популярную книгу, которую они будут читать, восхищаться и хотеть быть юкагиром, чтобы «юкагир» звучало гордо. Я понимаю, это может задеть кого-то, что юкагирский богатырь воевал с кем-то. Мы не будем говорить, что он воевал с якутом или с эвенком или еще с кем-то. Постараемся как-то эти моменты обойти. Надо создавать, пусть это будут легенды, пусть они обретут плоть, чтобы ребенок говорил. В этом году мы выпустили что-то подобное, но это больше ориентировано на взрослых. Следующий шаг будет адаптация, чтобы сделать это доступным для детей, как, помните, когда мы учились в 4-м классе, были рассказы по истории СССР. Там были обычные нехронологичные рассказы, которые тогда формировали любовь к истории и гордость за народ. Это один из шагов, я не говорю, что он единственный, но это один из шагов, который мы можем сегодня сделать. То есть формирование позитивного. Мы прекрасно понимаем, на сегодняшний день фактически все



объективные этнические маркеры нивелированы: язык, культура. Даже понятие «этнические территории» размывается. Традиционное хозяйство размывается, у нас всего лишь 5% вовлечены в традиционное хозяйствование, т.е. точно так же, как у якутов в скотоводстве единицы заняты. Все это размыто, значит, на 90% сейчас основой этнического самосознания выступают психологические моменты. А они в основном зависят от политики, от отношения к этому в семье, в том числе от понятия гордости, стереотипов, и отношения других людей к твоему народу, т.е. от разных факторов, которые вдруг становятся решающими. Мы должны бороться за то, чтобы мы, во-первых, оставались и в политике, чтобы у юкагиров по-прежнему были свои права и так далее, и чтобы наши люди на местах слышали: да, у юкагиров такие-то права, у них есть то-то и то-то, чтобы было позитивно. Некоторые даже в смешанных семьях продолжают себя на 100% записывать юкагиром, потому что говорят: юкагиры редкие, их все равно государство не бросит. Очень интересный фактор, который влияет в том числе на это. Мы формируем позитивные стереотипы везде: у нас ставятся спектакли на юкагирском языке или по юкагирской тематике, мультфильмы и т.д. Мы мероприятия постоянно проводим и будем формировать постоянно позитивное восприятие юкагиров и отношение к их культуре. Мы будем продолжать влиять на формирование и отношение других людей к юкагирам, все, что внешняя среда может дать юкагирам.

Я, как историк, пытаюсь смотреть на изменение этничности у юкагиров, и тут есть несколько этапов – это вопросы, связанные с поселкованием, когда юкагиров в полиэтническую среду внедрили, потом урбанизация, которая охватывает все больше и больше населения, и трансформирует ценности, в том числе языковые. Конечно, здесь могут быть разные сдвиги, это зависит в том числе от властей. У нас сокращаются сферы функционирования традиционных отраслей: чем меньше людей у нас туда вовлечены и связаны с землей, тем больше отрыв происходит. Даже если ты учитель и ты преподаешь на своей территории, у тебя все равно эти связи сохраняются, но когда ты отрываешься от земли, тебя переселяют в другие места, это тоже начинает играть свою серьезную роль. И это все вкупе шаг за шагом начиная с 1930-х годов и шло. Можно выделить несколько таких этапов, сначала в 1930-х годах, потом усугубление произошло в 1960-х годах, потом в 1970-х, вспомните политику слияния единой социалистической нации, когда тоже начали об этом говорить. Это привело к ситуации конца 1980-х годов. Потом у нас начались возрожденческие моменты, которые постепенно начали нивелироваться с середины 2000-х годов. И вот это постепенное наступление на национальную интеллигенцию, когда даже просто разговоры о языке, культуре, духовности вдруг перешли в разряд пограничных, когда лучше это не затрагивать. В последние десять лет вдруг это все начало играть свою роль, в том числе



появились понятия этики чиновника, который не должен эти вопросы задевать, это всё в последние десять лет тенденции пошли. Они не просто как тенденции, они охватывают и все больше вглубь идут. Это становится очень печально. Когда я говорю о проблемах юкагирского языка, всегда во все времена и в последние тридцать лет ситуация, то есть отношение к решению вопросов юкагиров, всегда было позитивным, в том числе у якутской интеллигенции. Я всегда привожу пример Улуро Адо, который говорил о том, почему якуты поддерживают и должны поддерживать, потому что «пока есть юкагиры, якуты могут чувствовать себя большим народом. Но как только исчезнут юкагиры, тогда очередь дойдет и до якутов». И я, как бы продолжая эту мысль, всегда говорю, что якуты должны нас поддерживать не только поэтому, но и потому, что у них есть возможность апробировать на нас все возможности, как сохранять язык, культуру, как сохранять свое этническое «я», и если мы сохранимся, значит, во всем том, что реализуется, есть позитивные плоды, значит, тогда и якуты сохранятся как народ и сохранят свой язык и культуру.

Н.И. Иванова: Молодые люди позиционируют себя как двуязычные, с начала 2000-х появились люди, у которых два родных языка – и русский, и якутский. И сейчас этот показатель только возрастает. Для самоощущения якутский родной для него важен, но функционально родной для него уже русский. Если говорить о ресурсах, у саха, не владеющих родным языком и признающих родным русский язык, социальный статус не выше среднего и чаще очень низкий. У них низкая зарплата, у них не выражена социальная мобильность, т.е. желания нет уехать из Якутии и реализоваться в более конкурентных условиях. Я специально это не рассматривала, но косвенные факты это показывают.

А.Н. Биткеева: Каковы перспективы развития якутского языка и языков КМНС через десять лет?

Н.И. Иванова: Если сейчас не опоздать и взяться за детей, и система образования как-то общими усилиями создаст что-то такое, воспроизводящее язык, то мне кажется, что еще можно сохранить язык и достойно его развивать, поскольку, во-первых, якутский язык не разделен на диалекты. Диалекты в основном на фонетическом и лексическом уровне проявляются, якутский литературный язык – это общенародный язык. А во-вторых, язык хорошо сохранен у среднего и старшего поколений, речевое поведение сейчас детерминируется множеством факторов, не только лингвистическими, но язык они знают, речевое поведение вариабельно. В-третьих, национальное самосознание, национальные традиции все еще очень сильны. Однако в данное время сильно сократилось общение бабушек с внуками – бабушки занимаются больше собой, т.к. нынешние бабушки, это ведь девушки советского времени, а в советское и постсоветское время не было возможностей столь



разнообразить свой досуг, они буквально не сидят с внуками, все шьют, путешествуют, танцуют, все переключились на такую массовую культуру шитья. Тем не менее, мне кажется, есть ресурсы восстановить, если немедленно, организованно взяться за языковую социализацию детей, за сферу образования, в целом за механизмы языкового воспроизводства, так как язык, как культурное достояние, является одним из важнейших факторов социокультурного развития, и он так же, как и национально-культурное наследие, должен транслироваться, передаваться из поколения в поколение. И это касается не только якутского языка, но и всех коренных языков. Сейчас такой момент, мы недавно обсуждали с коллегами, что этническое самосознание представителей КМНС проявляется интенсивнее, чем у саха. Поэтому надо использовать данный благодатный период и стремиться во всех направлениях совершить прорыв.

В.И. Шадрин: Если мы не переломим ситуацию, если она останется такой же, как сейчас идет, то, к сожалению, будет негативный сценарий, я считаю. И мы как раз получим то, о чем я говорил: сейчас мы проиграли детей, завтра мы получим то же среди молодежи, а послезавтра это будет уже обычной языковой ситуацией. Нам необходимо думать о нескольких направлениях, комплексном подходе. Конечно, нельзя отказываться от официальных шагов, от нормативно-правового развития дальше, я думаю, в этом плане мы что-то получим, потому что начинается международное десятилетие языков, нам надо воспользоваться этим шансом с точки зрения нормативно-правового регулирования и на федеральном уровне, и на региональном. Что-то нам надо менять, или с точки зрения развития, расширения каких-то полномочий, это обязательно. Второй момент, за последние десять лет очень распространилось такое понятие, как языковой активизм, это стало очень заметно. Наверное, сыграл свою роль международный год языков, он сформировал определенную тенденцию. Если раньше оно было спорадически, на местах, то теперь, возможно, развитие общественного сектора как-то этому способствовало. Конечно, власти на это не рассчитывали, фонды президентских грантов, культурных инициатив, надеюсь, и дальше будут поддерживать общественные движения. Но это определенное финансирование, получение финансовой базы от деятельности организаций привело к тому, что так или иначе количество вылилось в качество. Все равно это дает результат и в том числе в качестве языкового активизма. И если со стороны властей не будет проявлена реакционная политика, то это будет дальше развиваться и расширяться. Потому что примеры таких языковых практик дают хороший результат. Общественное движение пошло на всех уровнях, сейчас, возможно, будут созданы формально какие-то национальные оргкомитеты проведения международного десятилетия языков, будут везде приняты планы и мероприятия. Наша задача как общественников, и задача науки – использовать эти шансы для



того, чтобы подготовить почву для очередного мощного продвижения миноритарных языков. Нам надо подготовить почву, чтобы в течение ближайших 3–5 лет что-то поменялось кардинально. Сегодня у нас появились очень хорошие шансы и инструменты для решения языковых вопросов.

А.Н. Биткеева: Языковой активизм, федеральные и региональные мероприятия в рамках языковой политики последних лет это подтверждают. Пока мы дышим – надеемся.

А.Н. Биткеева,
Институт языкознания РАН

Примечание

Материал подготовлен в рамках проекта РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Биткеева Айса Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Для цитирования: *Биткеева А.Н.* Республика Саха (Якутия): Языковая политика, акторы и дебаты: Интервью с экспертами Н.И. Ивановой и В.И. Шадриным [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2022. № 2(10). С. 204–224. DOI:10.37892/2713-2951-2-10-204-224

For citation: *Bitkeeva, A.N.* The Republic of Sakha (Yakutia): Language policy, actors and debates: Interview with the experts N.I. Ivanova and V.I. Shadrin // Sociolinguistics. 2022. No. 2(10). Pp. 204–224. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-2-10-204-224.